

СЕРГЕЙ НЕПОБЕДИМЫЙ

РУССКОЕ ОРУЖИЕ

Из записок генерального конструктора ракетных комплексов

Воевать, да строить, да растить хлеба — вот народа нашего судьба, — эта поэтическая фраза лаконично передаёт суть жизни русского народа на протяжении многих веков. И строили, и растили хлеб, но, прежде всего, думали о защите своего дома, своей семьи, рубежей своей страны. Русское оружие всегда было непобедимо. И главная заслуга здесь в руках тех мастеров, что ковали это оружие. В XX веке главным русским оружием стали ракеты. Сергей Павлович Непобедимый — человек-легенда, конструктор ракетных систем, член-корр. Академии наук, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и трижды Государственной премий, в сентябре этого года отмечает своё 90-летие. Долгое время он возглавлял Конструкторское бюро машиностроения в Коломне — под таким скромным названием скрывалось сверхсекретное в советское время предприятие по разработке ракетных комплексов военного назначения. Рассказать обо всех разработках этого предприятия не представляется возможным, но многое открывает нам автобиографическая книга С. П. Непобедимого “Оружие двух эпох”, книга воспоминаний, литературную запись которых осуществил писатель Валерий Борисович Петров. Избранные места этой книги, особенно связанные с историей создания и последующим предательским уничтожением знаменитого ракетного комплекса “Ока”, вызовут несомненный интерес отечественного читателя.

1. Фамилия обязывает

В молодости я интересовался у отца: откуда у нас такая редкая “боевая” фамилия? В столице нашей Родины я, насколько мне это известно, являюсь её единственным носителем.

Со слов отца выходило, что фамилия наша довольно “молодая”, что, вероятнее всего, она образовалась лишь во второй половине девятнадцатого века и шла напрямую от деда Фёдора, который умер до моего появления на свет. Отец мой Павел Фёдорович Непобедимый родился в маленьком городке Обоянь Курской губернии, что расположен на правом берегу невеликой реки Псёл, притока Днепра. Малую родину моего отца и деда особенно хорошо знают в среде филологов. В диалектологии широко известен южнорусский говор со своеобразным яканьем обоянского и щигровского подтипов. Мой дед был постоянным участником кулачных боёв, что в то время было одной из обычных русских потех. Видно, от этих-то молодецких забав и пошла в нашем роду фамилия Непобедимый.

Ещё накануне Первой мировой войны мой отец уехал в Санкт-Петербург. Работал токарем на Металлическом заводе, а потом окончил школу учёных шоферов-механиков. По тем временам это была «аристократическая», ещё довольно редкая рабочая профессия. Пришлось отцу поучаствовать в бурных событиях того времени в столице Российской империи, в забастовках, за что вначале был взят под надзор полиции, а потом сослан подальше от Петрограда, в город Скопин Рязанской губернии, где он и пробыл до Февральской революции 1917 года.

После падения монархии отец сразу же вернулся в столицу, где нашлось применение его знаниям: как автомеханика с машиной его прикрепили к К. Е. Ворошилову, который очень короткий период после Февраля был членом Петроградского совета. Впоследствии мой отец, когда уже шла Гражданская война, уехал в Царицын и там был личным водителем К. Е. Ворошилова, когда тот руководил Царицынской группой войск и был заместителем командующего и членом Военного совета Южного фронта. Там, под Царицыном, ему несколько раз доводилось возить на служебном автомобиле тогда ещё мало кому известного И. В. Сталина и видеть гораздо более популярного в то время Л. Д. Троцкого, имевшего в личном распоряжении не автомобиль, а целый поезд. В конце 1919 года отца командировали в Москву, снова ставшую к тому времени столицей. Но по дороге он заболел тифом, его сняли с поезда в Рязани и положили в госпиталь, где отец лечился несколько месяцев. В этом древнем приокском городе он и познакомился с моей мамой. Тогда она работала телефонисткой на местной телефонной станции. Звали её Елена Андреевна Мотина. Она выросла в одном из уголков Рязанщины, сейчас это Пронский район Рязанской области, в большой крестьянской семье, и как многие её сверстницы, умела вести домашнее хозяйство, хорошо шить, готовить. Вскоре мои будущие родители поженились. А спустя время я и родился в городе Рязани. Это произошло в среду, 13 сентября 1921 года.

К тому времени Гражданская война уже затихала, но в городах стало труднее жить, сложнее найти работу, прокормить семью. Отец хотя и не совсем ещё окреп после перенесённого тифа, решил поискать лучших мест – вблизи от своей малой родины, на курской земле. Знакомые ему подсказали, что в Щигровском районе только что организован невиданный по тем временам совхоз Никольское. Сюда отец и был принят на работу главным механиком. Когда мне исполнился год, моя мама тоже рассталась с родной Рязанщиной, с близкими, которые ей помогали, и поехала со мной к месту работы отца, где он уже сумел укрепиться.

Так я оказался в Никольском, где прошло моё, как говорится, босоное детство. Оно и впрямь было таковым. С весны до осенних холодов мы, ребята, бегали без обуви по окрестностям, и когда нас заносило на кукурузные поля, то часто возвращались домой с окровавленными ступнями, порезанными острыми краями листьев. Само Никольское представляло собой чьё-то бывшее имение. У нас был маленький домик с пристройками – прежнее место обитания дворовых людей. Прямо перед нашими окнами был выгон, на котором паслось стадо коров. Но признаюсь, что животные не вызывали у меня тогда пристального интереса. Зато механические мастерские, которыми руководил отец, пыхтящий локомобиль, кузница, где всегда ярко пылал огонь и от ударов кузнеца с наковальни сыпались снопы искр – это всё производило на меня неизгладимое впечатление.

Отец проводил много времени на работе. Хозяйство, в котором он по-прежнему отвечал за машины и механизмы, постепенно развивалось. Колхозов ещё не было, а в нашем совхозе уже проводили электричество, росло число машин, облегчавших работу крестьян. В механических мастерских однажды появился токарный станок, на котором вытачивались всевозможные детали для нужд хозяйства. У него был довольно хитроумный ременный «спецпривод», от которого вращался шпиндель. Фокус состоял в том, что этот привод крутили вручную попеременно двое или трое рабочих, а токарь, точивший нужную деталь, иногда покрикивал на них, требовал дать больше оборотов. На токаях и в полях уже стали привычными локомобиль, сноповязалки, лобогрейки. Любопытная деталь. Отец иногда ездил к местным зажиточным крестьянам – колхозов, повторяюсь, к тому моменту ещё не создавали – и просил их о помощи в ремонте лобогреек, которые порой не выдерживали уборочной нагрузки. При этом он зачастую брал меня с собой. И хотя по

годам я был ещё невелик, но я видел и ощущал доброжелательность, с какой эти крестьяне подходили к просьбе отца. У них на дворах всегда был порядок, в делах чувствовалась основательность. Они без лишнего слов брались починить то, на что порой не хватало квалификации, навыка совхозным мужикам. Меня же, малолетнего, в таких случаях нередко звали в дом, угощали молоком и чем-нибудь вкусным. В основном эти люди были настоящими тружениками.

Шести лет отроду я, можно сказать, сам себя определил в школу. Без преувеличения скажу, что тогда все – и взрослые, и дети – ко всему, что было связано с учением, относились трепетно. Учёба воспринималась как некое священнодействие, а учителя почитались во всех слоях нарождающегося советского общества. По возрасту мне было ещё рановато постигать азы ученья, но я не мог отстать от своих старших товарищей и без приглашения увязывался за ними. Моя первая школа была за три километра от дома, в деревне под названием Длинная. Чтобы попасть туда, надо было пройти вдоль речки, перейти плотину, потом пройти по действительно длинной деревенской улице до старинного каменного одноэтажного здания. Школьники из Никольского шли, как правило, гурьбой, все вместе. И я вышагивал с важным видом, с холщёвой сумкой через плечо, в которой лежали бумага и карандаши, источавшие неповторимый запах этих нехитрых ученических принадлежностей.

Фамилия моей первой учительницы – Соглаева. Имени и отчества я, к сожалению, не помню за давностью лет. В одном большом помещении занимались сразу четыре класса начальной школы. Каждый из классов занимал один ряд. Вот среди этих рядов от класса к классу и ходила наша учительница, давшая нам самые первые систематические знания. В 1928 году, когда мне было семь лет, семья наша переехала в районный центр, город Щигры. Здесь отец поначалу заведовал автошколой, а потом возглавил местную артель металлистов. Мы жили на улице Красной, в доме № 41. Хозяйка дома недорого сдала его нашей семье, а сама уехала к детям в столицу. В этом доме мне предстояло провести все свои школьные годы, до отъезда на учёбу в Москву. Школа первой ступени находилась на другом конце города, идти туда надо было через весь центр, километра полтора. С пятого по седьмой класс все школьники учились в так называемой школе второй ступени, она уже была гораздо ближе к дому. А последние три класса я заканчивал в школе № 1, здесь до революции располагалась городская гимназия. Школьная территория и двор нашего дома были разграничены только красивой и длинной – метров пятьсот – аллеей из тополей. В детстве мы использовали её для спортивных тренировок.

Меня окружали добрые люди, хорошие товарищи, прекрасные учителя и замечательная природа. Теперь со всей определённой могу сказать: формирование характера, отношение к делу, учёбе, нравственное и физическое воспитание дали мне семья, школа и городская среда.

В далёком 1938-м году пришло время расставания со школой. Экзамены были сданы, и я получил аттестат о среднем образовании. Весёлым и одновременно грустным был наш выпускной вечер в июне. Девочки в белых платьях, принарядившиеся мальчишки. Готовились к выпускному вечеру тщательно. Конечно, с помощью родительского комитета школы. Выпекались горы пирожков, делались бутерброды, на улице пыхтели самовары, по чашкам разливался крепкий ароматный чай. Замечу мимоходом, что в то время никто даже подумать не мог, чтобы на выпускной вечер принести алкогольные напитки для взрослых, не говоря уж о выпускниках. Традиции трезвого образа жизни в обществе, тем более в малых городах были ещё очень сильны. В актовом – он же спортивный – зале происходило главное торжество – вручение аттестатов, а потом там же танцы до глубокой ночи, хотя она в это время была очень светлой и короткой. К сожалению, разразившаяся через три года страшная война разбросала всех выпускников нашей школы с такой силой, что у нас не сложилась традиция встречаться с какой-то периодичностью, хотя и сейчас я помню лица многих моих одноклассников. А в тот незабываемый июньский вечер танцы, самодеятельные выступления продолжались почти всю ночь, а в предракетную пору мы группами пошли в нашу любимую тогда дубовую рощу на окраине Щигров, где до наступления утра пели песни возле костра. . .

2. Время выбора

Пришло время выбора. К нему я был уже готов. Вызрело твёрдое решение поступать в Московский Краснознамённый механико-машиностроительный институт имени Н. Э. Баумана. В приёмную комиссию отослал все необходимые документы и вскоре получил вызов на вступительные экзамены. День отъезда подошёл незаметно. Проводов каких-то особенных не было. Попрощался с родными. Надел свой лучший, он же единственный костюм тёмно-синего цвета. Ботинок у меня не было. Только спортивные тапочки. Впрочем, такое сочетание тогда не было в диковинку, если учесть, что дефицит товаров лёгкой промышленности был повсеместным. Надо помнить, что в предвоенные годы обувью, отрезами или даже простыми галошами стимулировали передовиков производства и выдавали эти вещи в качестве премии тем, кто перевыполнял нормы.

Перед моим выходом за порог отец слегка обнял, приободрил меня и неловким движением вложил мне в руку тридцать рублей: это тебе, сынок, на первое время. Деньги по тем временам не слишком большие, но я-то знал, как они достаются.

Москва. 2-я Бауманская улица, дом 5. Расспросил о приёмной комиссии. Там разыскали в списке поступающих мою фамилию и вскоре разместили со многими, такими же, как я, в одной из институтских аудиторий. В группе абитуриентов, где я оказался, было 36 человек. В институте тогда было шесть факультетов – три гражданских и три военных. Такое соотношение вполне отражало то внимание, которое государство уделяло оборонному делу. Три военных факультета имели буквенную индексацию: “Е” – артиллерийский, “О” – бронетанковый, “Н” – факультет боеприпасов. На факультете “Н” я и сдавал экзамены по семи предметам. Сочинение по литературе, русский письменный, математика, химия, физика, иностранный язык, история ВКП(б) – вот перечень дисциплин, по которым шли испытания в течение целого месяца. Отбор, надо определённо сказать, был и строгим, и жёстким. В итоге из 36 поступили только четверо. В их числе оказался и я.

Учёба моя началась первого сентября 1938 года и потребовала с первых дней большого напряжения и времени. Мы готовились с однокурсниками к лекциям, делали домашние задания в читальном зале библиотеки института до его закрытия. После школы, более размеренной жизни в небольшом городке было трудно приноровиться к иному темпу жизни, к московским расстояниям. В общежитии мы поселились в комнате № 145. Третьим в комнате был мой сокурсник Довмонт Клименко, с которым у нас за все годы учёбы сложились товарищеские отношения. Студенческая жизнь факультета была бурной и в то же время подчинённой строгому распорядку. Впрочем, в её обычное русло порой вливались события, которые на какое-то время вносили весёлую или, напротив, драматическую ноту. Один анекдотический случай довольно долго ходил из уста и вызывал у всех смех. Был у нас заведующий кафедрой “Детали машин” – профессор Михаил Алексеевич Саверин. Специалист высочайшего уровня. Нам говорили, что когда-то, ещё в двадцатые годы, его приглашали на работу в Германию главным инженером на один из крупновских заводов. Но он остался в России, впоследствии стал основателем учения о взаимозаменяемости деталей машин и технологии машиностроительного производства, организатором стандартизации советского машиностроения, был отмечен высокими государственными наградами, Сталинской премией. Предмет был не из лёгких. У Саверина почему-то сложилось стойкое убеждение, что женщина-инженер – нонсенс. И на этой почве он, как-то просматривая чертежи одной студентки, обратил внимание на несоответствие одной проекции другой. Он попросил девушку циркулем замерить проекцию. У студентки что-то не получалось, и она пыталась объяснить, что у неё в готвальне оказался плохой циркуль, что у него очень трудно расходятся ножки. Речь шла о чертёжном инструменте, но Саверин в запале произнёс тираду в адрес отличницы: “Что же вы, голубушка, дожили до двадцати лет, а ножки развести не можете...” Только когда сидевшие в аудитории на экзамене студенты взорвались от смеха, а девушка вдруг вспыхнула красным цветом, Михаил Алексеевич понял всю двусмысленность своей фразы. Подождал, пока смех поутихнет, потом строго кашлянул и невозмутимо продолжил экзамен с той же требовательностью. Студентке он поставил... тройку.

На первых трёх курсах программа была для всех одинаковая и включала общую инженерную подготовку. Следующие два с половиной года изучали специальные предметы, а затем преддипломная практика и защита дипломного проекта. Без преувеличения скажу: учебный процесс был организован превосходно. Продуманно сочетались теория и практика. Мне, молодому парню из провинции, открылась страна. После первого курса с группой студентов мы поехали на Украину. Через Харьков, Дебальцево в Сталино (ныне – Донецк). Там на окраине города работал – это был 1939 год – “номерной” завод по производству боеприпасов. Надо отметить, что предприятие удивило большим количеством новых станков. Это был результат довольно тесных экономических отношений с Германией в то время. Как студенты факультета боеприпасов мы за дни практики освоили весь цикл создания изделий – технологический и производственный. Помню, одна из мелких операций на производственной линии никак у нас не получалась, что вызывало раздражение на самих себя. Мастер участка заметил нашу неловкость и потом пояснил: а вы, ребята, поглядите. Видите, у нас на этой операции работают одни женщины, не считая вас, практикантов. Тут всё просто. Мы давно поняли, что там, где работа требует кропотливости и терпения, только женский характер поможет. Месяц работы на заводе прошёл быстро, мы написали отчёты и с чистой совестью поехали по домам. Другая поездка на практику в Невьянск, на механический завод, кроме учебных познаний дала возможность увидеть легендарные уральские места.

3. Выпускники Победы

Устоявшийся ритм тогдашней жизни всей страны и моей, конечно, разрушила война. В тот трагический воскресный день 22 июня 1941 года наша группа – я был её старостой – должна была сдавать один из последних сессионных экзаменов, по теории резания. Мы уже пошли в институт, вышли на улицу, когда вслед за нами выскочил дежурный по общежитию и закричал, чтобы мы срочно вернулись. Сейчас по радио будет передано важное правительственное заявление! ... И вот выступление В. М. Молотова, тяжкие, как камни, слова о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз и призыв к защите своего Отечества. В тот же день столица забурилась. Почему-то запомнились одно наблюдение и одна мысль, которые овладели мною в первый день войны. После официального сообщения о начале агрессии в тот день я больше не видел на лицах людей улыбок, все стали строгими, сосредоточенными. И другое понимал, что нам, волею судеб оказавшимся вдали от горячих боёв, предстоит в короткое время перестраивать всю свою жизнь на другой, военный лад, но все равно нам будет несравненно легче, чем тем, кто в те минуты уже дрался и погибал под натиском вероломного врага. И кому предстояло драться и завтра, и послезавтра, и через неделю и, может быть, погибнуть...

На второй день войны я подал заявление о зачислении меня добровольцем в действующую армию. Мне тогда было неполных двадцать лет. Такие заявления принимали в райкомах партии. У нас это был Бауманский райком. В полной уверенности, что меня зачислят в народное ополчение, я ждал решения в отношении себя. Второго июля началось формирование ополчения в Москве. Я собрал вещи. Брат пошёл провожать меня. В рюкзак положил комсомольский билет, маленький русско-немецкий словарь, который и сегодня лежит у меня на книжной полке. Но меня после беседы попросили вернуться обратно. Объяснили, что в отношении студентов будет специальное решение правительства. Действительно, через несколько дней вышло соответствующее распоряжение Сталина, который уже был наделён всеми высшими полномочиями. В соответствии с ним в нашем институте призывались в действующую армию студенты первого и второго курсов. Третий курс оставался в институте для продолжения учёбы. Старшекурсники направлялись для работы на промышленные предприятия в качестве инженеров по специальности.

До начала учебного года оставалось почти два месяца. Но это по меркам мирного времени, а тогда мы понимали, что вряд ли в первый осенний день вновь войдём в аудитории и начнём слушать лекции. Мы жаждали активности, хотелось что-то делать против немцев. Мощная волна патриотизма подня-

ла всех и требовала действий. К нашей радости, нас не оставили без дела. Из трёхсот студентов Бауманского института был сформирован специальный строительный батальон и направлен в прифронтовую зону на строительство оборонительных сооружений. Это было уже 30 июня.

Высадили нас посреди леса километрах в десяти от станции Снопоть, у деревни Заглязья Слобода. Нашему батальону была поставлена задача – участвовать в строительстве главной линии обороны вдоль реки Десны на глубине десять километров от переднего края. Быстро разместились в деревне, в ригах – так здесь называли сараи. Такие же риги по окраинам деревни разбирали по брёвнышку и, копая ямы, сооружали ДЗОТы – дерево-земляные огневые точки и сдавали военным, которые с этих позиций проводили пристрелку на местности. Но самыми тяжёлыми были земляные работы. Наш батальон скальпировал берег реки, чтобы не было ни веток, ни кустов, сооружал противотанковый ров. Режим дня был жёстким: подъём в четыре утра, отбой в одиннадцать вечера. Поначалу была норма на человека по семь кубометров земли, потом она возросла до десяти. Руки порой не держали лопату. Но наши командиры подгоняли: немцы наступали очень быстро. Снабжение у нас было по тому времени хорошее. Продукты нам привозили из Москвы, подвоз был организован институтом. К нам даже приезжали московские парикмахеры. Охрану батальона несли свои же ребята. Они были без оружия, но рядом располагалось армейское подразделение, и при необходимости его бойцы могли придти на помощь. Потом привоз продуктов из Москвы прекратился. Стали вводить ограничения. Как-то достали несколько мешков муки, она оказалась почему-то с песком. Испекли хлеб, и песок скрипел на зубах, но с голодухи даже такой хлеб казался очень вкусным.

Мы заканчивали свой участок обороны, лето уже близилось к концу, ночи становились темнее и холоднее. Уже явственно слышалась канонада с запада. Приближался фронт. На нашу позицию несколько раз налетали фашистские самолёты. После одного из авиационных налётов мы собрали остатки немецких бомб. В какой-то мере ощущали себя специалистами, ибо с пониманием рассматривали и определяли тип бомбы, по искорёженному осколку пытались установить степень чувствительности контактного взрывателя, обсуждали схемно-конструктивные особенности боеприпаса. Числа пятого-седьмого сентября в наше расположение приехал офицер и сказал, что поступил приказ вернуть нас в Москву. К концу намеченного дня отъезда мы собрались, построились в колонну, открыли проходы в нами же установленных проволочных заграждениях и пошли по противотанковому рву по направлению к лесу и далее к станции. В это время на наши головы обрушились два несчастья. Пошёл обильный довольно холодный дождь, и одновременно началась артиллерийская дуэль наших и немецких дальнобойных батарей. Нам дали команду остановиться. Так мы и стояли промокшие и продрогшие минут сорок, пока стрельба стихла, и вой снарядов над нами не прекратился. Потом лесом мы шли к станции, иногда останавливались для отдыха. Высоко в небе нередки гудели моторы бомбардировщиков – немецкие самолёты летели на Москву. Кто-то пытался затянуть песню. Но его не поддержали, не было песенного настроения в этот момент у сотен людей, переживающих отступление. Стемнело, и осенний мрак под низкими облаками сгустился, так что не было видно на расстоянии вытянутой руки. Поступила команда положить каждому руку на плечо шедшего впереди. Шли лесом буквально на ощупь. Впрочем, студенческая изобретательность и здесь помогала. На одном из привалов кто-то заметил в траве светлячков. Собрали несколько штук и прикрепили к спинам тех, кто шёл в первых рядах.

Пока мы ждали вагоны на станции, стали свидетелями тяжёлой сцены, которая разыгралась на наших глазах. Раздались крики, и мы увидели, как женщины, сидевшие недалеко от нас со своими маленькими детьми, вдруг сорвались с места. Они все побежали к группе военных с оружием, среди которых стояла молодая женщина. Именно на неё они внезапно набросились, повалили на землю и начали бить и терзать. Военные, а это, оказалось, были часовые, с большим трудом отбили поваленную женщину. Вскоре прояснилась причина происшедшего. Избитая женщина была предательницей, немецкой шпионкой и была выслежена и поймана на станции. Этим и объяснялась вспышка ярости женщин, столь велика была ненависть к фашистской пособнице.

Мы вернулись в Москву 10 сентября. Внешний вид города почти не изменился. Сколько мы видели и слышали на Десне фашистских бомбардировщиков, рвущихся к столице, но следов разрушений в городе почти не было видно. Значит, хорошо действовала система противовоздушной обороны. И это сказывалось на состоянии духа людей. Помню настрой многих москвичей – достаточно уверенный взгляд на положение вещей, хотя ежедневные сводки говорили, что ситуация становится всё более угрожающей.

Объявили об эвакуации института в Ижевск. Уезжали с Казанского вокзала 20 октября. На мне, как на старосте, лежало немало обязанностей по организации отъезда. Все члены нашей группы были ребята. Но на вокзал с нами вместе пришли наши знакомые – четыре студентки из соседнего Московского энергетического института. В результате неразберихи в их вузе девушки не смогли выехать из Москвы. Наше руководство согласилось включить их в эвакуационный список бауманцев. Их даже поставили на довольствие, и это я расцениваю как важное свидетельство того, что тогда в столь трудное время даже посторонний человек вполне мог рассчитывать на поддержку. В день отъезда, помню, приехал на вокзал с двумя разрешёнными чемоданами, в которых вперемешку лежали книги и немногие личные вещи. Пока бегал, устраивал нашу группу в выделенный вагон, от двух чемоданов остался один. То ли украли, то ли он просто затерялся, не ведаю. Впрочем, особенно не переживал. Мысли были устремлены вперёд – как-то мы устроимся на новом месте и на сколько времени?

Приняли нас в Удмуртии хорошо. Разместили по частным домам. Мы с братом Виктором поселились у пожилой семейной пары в небольшом доме по улице Азина. Спали на полу. Почему-то запомнилось, что, когда хозяйева топили печку, с потолка, крашеного масляной краской, падали капли воды. Это был обычный конденсат. Всё тогда делалось без проволочек. Уже на следующий день, как и все, я приступил к работе токарем в цехе № 81 Ижевского механического завода № 74 Наркомата вооружений, а брат работал токарем на инструментальном участке в цехе № 72. Вот когда пригодились навыки работы на станках, полученные на практике. От дома до завода и института, где мы продолжили учёбу, было три километра. Ерунда в хорошую погоду, а вот в морозы под 30 градусов, которыми была отмечена поздняя осень и начало зимы 41-го года, приходилось преодолевать это расстояние вприпрыжку. На рабочем месте было тепло. За смену я обтачивал четырнадцать стволов для противотанковых ружей.

Надо заметить, что всё, что было заложено в постановлении относительно студентов, подписанном И. В. Сталиным ещё летом, в самом начале войны, неукоснительно выполнялось. Для нас, третьекурсников, была установлена укороченная рабочая смена – шесть часов. На станке я работал с восьми вечера до двух ночи. Потом бежал домой и ложился спать. А с девяти утра и до вечера мы слушали лекции наших преподавателей, которые приехали из Москвы вместе с нами. Учебный процесс шёл своим чередом. Его отличало только одно – высочайшая требовательность к студентам. Понятие – иметь “хвост” после сессии – не допускалось в принципе. По прошествии нескольких месяцев меня перевели на соседний завод № 524, работал по тому же распорядку, был занят на сборке и подгонке приёмного устройства для пулёмётной ленты известной “машины” с русским именем “Максим”.

Незадолго до начала контрнаступления наших войск и разгрома немцев под Москвой первый и второй курсы нашего института призвали в Красную Армию. Повестку получил и мой брат. Он надел военную шинель, но вместе с другими остался в городе. Дело в том, что студенты проходили восьмимесячную подготовку в Ленинградском военно-техническом училище, которое было эвакуировано в Ижевск, после чего им присваивалось звание лейтенанта. Я проводил брата. Мы пошли на рынок, купили молока и выпили за то, чтобы победить и вернуться в институт.

В 1943 году мы возвратились к себе в Лефортово. Каникул, разумеется, никаких не было. В столице работали на разных предприятиях. Окна моей квартиры сегодня смотрят на Большой Устьинский мост через Москву-реку, по нему бегут трамваи в сторону Павелецкого вокзала. Именно там, рядом с этим вокзалом, в военные летние “каникулы” на труболетном заводе мне довелось работать ремонтником электротельферов (подъёмников) в стержневом цехе, где делались отливки корпусов стокилограммовых авиабомб. Рабо-

чий день в каникулы был без скидок на учёбу и длился 16 часов. После смены едва доедешь до общежития – пластом в койку. Рано утром просыпаешься – и снова на завод без малейшего опоздания!

Ещё до возвращения института из Ижевска, на четвёртом курсе, у нас началась специализация. Моим направлением по рекомендации профессора Юрия Александровича Победоносцева, который в дальнейшем сыграл большую роль в моей судьбе, стала ракетная техника. Он читал лекции по этому предмету и вёл у нас практические занятия. Профессор Победоносцев был одним из создателей знаменитой ракетной установки залпового огня “Катюша”. В начале тридцатых годов он работал в легендарной Группе изучения реактивного движения. В ГИРДе были три проектно-конструкторских бригады, которые возглавляли М. К. Тихонравов, Ю. А. Победоносцев и С. П. Королёв. Бригада, возглавляемая Юрием Александровичем, сделала первую в нашей стране сверхзвуковую аэродинамическую трубу, создала и впервые испытала в полёте прямоточные воздушно-реактивные двигатели на твёрдом топливе. Потом в Реактивном научно-исследовательском институте он разрабатывал теорию пороховых ракетных двигателей, которая была использована при создании “Катюши”. Уже позже преддипломную практику я проходил в НИИ-1 (сегодня – это Московский институт теплотехники), где, собственно, и зарождалась почти вся отечественная ракетная техника. В институте уже тогда шли разработки ракет на твёрдом и жидком топливе. Там уже в 1944 году начались работы над баллистическими ракетами большой дальности. Одно время Ю. А. Победоносцев был Главным конструктором этого института, позже МИТ возглавил Александр Давидович Надирадзе, будущий академик, дважды Герой Социалистического Труда. Когда настал момент подготовки дипломного проекта, выбор для меня был несложным. К тому времени я очень увлёкся проблемами ракетостроения. Название темы моей дипломной работы – “Ракетный комплекс повышенной дальности для борьбы с танками”. Моим научным руководителем стал профессор Ю. А. Победоносцев.

Это было незабываемое время, весна 1945 года. Вот-вот должна была прийти Победа. В четыре утра 9 мая мой радиоприёмник, который я сам только что собрал из разнородных деталей, заговорил, и с довольно приличным качеством. Я, конечно, настроил его на волну Московского радио. Оно в эту ночь не делало обычного перерыва. Вскоре наша комната заполнилась ребятами. Поток шёл первые сообщения о подписании Акта о безоговорочной капитуляции в Карлхорсте, берлинском пригороде, в здании военно-инженерного училища. Мы, молодые и полные сил, всё это слушали в стенах нашего общежития и из-за переполнявших нас бурных эмоций, скорее всего, тогда не осознавали, что такая Победа была возможна в том числе и потому, что в нашей стране, Советском Союзе, в России были такие мощные технические школы, как Бауманский институт. В пять часов утра радость по случаю долгожданного объявления об окончании войны, о полной победе над страшным врагом, растеклась по всем этажам. А потом мы все увидели феерическое всенародное ликование на улицах и площадях Москвы. . .

Передо мной же в том победном и выпускном мае стоял вопрос – куда дадут направление? Откровенно говоря, мнение выпускника не всегда бралось в расчёт комиссией по распределению. Как говорится, куда Родина пошлёт, туда и поедешь. Но утверждать, что всё это делалось только способом диктата, было бы несправедливо. По этому поводу уже после защиты была беседа с руководителем моей дипломной работы Ю. А. Победоносцевым. Юрий Александрович справедливо рассудил: “У тебя в Москве постоянной квартиры всё равно нет. Поэтому я тебе советую – поезжай в подмосковную Коломну, в Специальное конструкторское бюро, к миномётчику Борису Ивановичу Шавырину. Это недалеко от столицы, добраться можно пригородным поездом. А я со своей стороны переговорю в комиссии по распределению”. Он тогда прозорливо заметил, что, по его мнению, у Коломенского СКБ есть хорошая перспектива.

В итоге с нашего факультета направление в Коломну, в КБ, с которым будет связана потом вся моя жизнь, дали двоим – моему однокурснику и давнему товарищу Герману Ефремовичу Ступакову и мне. Документы на нас ушли в особый отдел для проверки “до седьмого колена”, а мы с Германом стали интересоваться географией Подмоскovie – что это и где это – город Коломна?

В один из июньских дней с вещами мы вышли с Германом из общежития и поехали на Казанский вокзал, откуда в октябре 41-го уезжали в эвакуацию. Теперь с этой же узловой точки мы ехали к месту назначения. Дело близилось к вечеру, когда мы сели в пригородный поезд. Ехать надо было часа три...

4. Прерванный взлёт

Подробный рассказ о долгих годах и десятилетиях моей работы в Коломенском конструкторском бюро машиностроения читатель этих воспоминаний найдёт на страницах моей книги «Оружие двух эпох». Объём же журнальной публикации заставляет меня остановиться на одном и самом главном эпизоде в моей жизни конструктора, руководителя крупного оборонного предприятия, эпизоде, роковым образом связанном с деятельностью тогдашнего руководителя нашего государства М. С. Горбачёва, когда его волевым решением во второй половине восьмидесятых годов был снят с вооружения оперативно-тактический ракетный комплекс (ОТРК) малого радиуса действия «Ока». Комплекс, разработанный нашим конструкторским бюро и являвшийся непревзойдённым в мире по своим тактико-техническим характеристикам. Его очень боялись американцы, и не случайно.

Вспоминается... Полигон в глубине тайги в Забайкалье. Январская ночь, мороз под сорок. Насколько хватает взгляда, до горизонта на чёрном небе – крупные мохнатые звёзды, словно покрытые инеем. Обширная стартовая позиция освещена прожекторами. В её центре при полном безлюдье стоит грозная боевая машина – оперативно-тактический ракетный комплекс «Ока». Наше детище. В чреве машины четырнадцатая, последняя по счёту пусков на государственных испытаниях, ракета. Расчёт, произведя подготовку к пуску, покинул стартовую позицию. На наблюдательном пункте застыли в ожидании члены госкомиссии. Напряжённая тишина. Идёт обратный отсчёт секунд. Верю в успех, но сердце всё равно бьётся учащённо. Но вот прошла электронная команда «старт». Вижу, как бесшумно автоматически раскрываются верхние створки люка боевой машины, и затем так же беззвучно поднимается вверх эстетически совершенное тело ракеты. Проходят считанные мгновения, и вот – короткая вспышка пламени. Ракета стремительно уходит вверх и почти сразу же исчезает в небесной тьме. Ещё дым от старта не рассеялся над позицией, а я уже знал, что в этот момент «Ока» выходит в ближний космос и на высоте почти 120 километров после совершения манёвра её боевая часть устремляется вниз, к цели. Через несколько минут по телеметрическим каналам мы узнали, что головная часть «Оки» попала точно в цель в нескольких сотнях километров от стартовой позиции. Аплодисменты. Объятия. Рукопожатия. И общая радость.

Ещё несколькими штрихами дополню историю создания «Оки». Когда вышло постановление правительства о создании ОТРК, в нём нашему Конструкторскому бюро машиностроения был, как и в случае многих предыдущих работ, присвоен статус головного предприятия в разработке всего комплекса. По аппаратуре системы управления головным стал ЦНИИАГ, по боевой машине – Волгоградский завод «Баррикады», по топливу – НИИ-125. Чтобы более ясно представить масштабы проводившихся работ, скажу, что в рамках темы по «Оке» на нас, а точнее на генерального заказчика (ГРАУ), работали более 150 КБ, НИИ и заводов с числом персонала свыше 100 тысяч человек! Напомню и подчеркну её преимущества. Боевая машина «Оки» была автономной. Она обеспечивала работу боевыми частями обычного снаряжения (до 0,5 тонны тротила), так и ядерными БЧ. Причём замена этих боевых частей одной на другую при необходимости производилась всего за четверть часа прямо на позиции. Машина с расчётом всего из трёх человек могла пересекать водные рубежи со скоростью десять километров в час, преодолевать окопы, перемещаться из одного пункта в другой при плохой видимости и работать в температурном диапазоне от плюс до минус пятидесяти градусов без подогрева при скорости ветра до 20 метров в секунду. Кроме того, обеспечивались прицеливание в горизонтальном положении и дальность стрельбы на расстояние от 50 до 400 километров. И можно с гордостью за всех сказать, что в результате объединённых творческих усилий представителей науки, техники и производства комплекс получился высочайшего уровня. Мы по совокупности тактико-технических характеристик этого класса ОТРК опередили тогда США на десятилетие!

Если образно представить наше поступательное в течение многих лет движение вперёд, я бы сравнил его с подъемом по лестнице. Ступенька за ступенькой мы поднимались к более совершенным и сложным изделиям. И хотя в жизни преодоление ступенек с высотой становится всё более трудным, в нашем случае, в работе КБМ, темп движения, напротив, нарастал. Всего через два года после постановки “Оки” на вооружение началась разработка фронтального оперативно-тактического ракетного комплекса “Волга” с дальностью стрельбы до тысячи километров. Его четырёхтонная ракета была двухступенчатой и имела в своём составе отделяемый управляемый модуль. Наконец, ещё два года спустя началась модернизация комплекса “Ока”, которая и стала потом “Окой-У”. В дополнение к сказанному отмечу, что в этом комплексе также была заложена всепогодная головка самонаведения, а бортовая система управления со специальными узлами и устройствами обеспечивала ориентацию ракеты на внеатмосферном участке полёта.

К тому времени уже почти десятилетие действовал заключённый между США и СССР договор об ограничении создания систем противоракетной обороны. Надо отметить, именно в те годы президент США Р. Рейган, начиная свой “крестовый поход” против Советского Союза, назвав его “империей зла”, объявил о начале работ по так называемой стратегической оборонной инициативе – СОИ. Конечная цель этой с помпой преподнесённой общественности программы не скрывалась – создание глубокоэшелонированной системы обороны, вплоть до космических пределов, от советских стратегических ракет. Конечно, в программе СОИ, как представляется, было много блефа. Кроме того, формирование такой системы означало бы, по существу, отказ от договора по ПРО, на что тогда американские правящие круги вряд ли бы пошли. Это теперь, когда ослабевшая Россия с трудом поддерживает ядерный паритет с Америкой, наши заокеанские “партнёры” с лёгкостью денонсировали договор об ограничении противоракетных вооружений и энергично пытаются решать проблемы создания системы противоракетной обороны на основе последних достижений науки и техники.

Подчеркну, что восьмидесятые годы объективно были наиболее плодотворными для нашего коллектива. Широкий спектр разработок, уверенное развитие социальной базы предприятия – этому нельзя было не радоваться. К тому времени наш коллектив заметно помолодел. Меры, предпринятые ранее, дали свои результаты. Почти каждый третий работник КБМ был моложе тридцати лет. Производство успешно развивалось.

Признаюсь, что кроме основных направлений, которые, конечно, были главной моей заботой как первого лица предприятия, я всегда испытывал потребность улучшения условий работы людей – будь это цех, конструкторский отдел или территория предприятия. Хорошо сохранились в памяти тяжёлые времена моей работы на заводах Москвы и Ижевска во время войны. Уже потом, помнится, в шестидесятые годы, началось всеобщее увлечение эстетикой окружающего пространства, в которое включалось и рабочее место человека. Множество заводов и фабрик страны втянулись в это важное дело, стали создавать собственные бюро эстетики, приглашать дизайнеров. После труднейших лет жизни в довоенный и послевоенный период у людей появилось естественное желание украсить, облагородить всё вокруг себя. Не осталось в стороне от этого движения и наше предприятие. Более того, я сам всемерно содействовал такой работе.

...С приходом к власти М. С. Горбачёва у многих возникла надежда на перемены. Бесспорно, страна в них нуждалась. Но факт остаётся фактом: кто бы ни находился тогда в главном кабинете на Старой площади и в Кремле, инерция маховика всего народного хозяйства страны была столь велика, что надо было сильно постараться, чтобы остановить или нарушить его работу. Теперь понятно, что молодой руководитель страны со своим узким кругом единомышленников тогда “постарался”, и мы все получили то, что имеем. Но в то время – ох, уж эта наша российская неизбывная вера в мудрость высшего руководства – мы с воодушевлением восприняли многие реформаторские идеи нового лидера страны. С полным пониманием и даже с энтузиазмом отнеслись к тезису Горбачёва о приоритете машиностроительной отрасли в попытке преодолеть наметившееся отставание промышленности, в первую очередь в сфере невоенной продукции.

Время шло, но всё заметнее становилось, что кроме красивых слов со стороны обновлённого руководства страны реальных подвижек в экономике не наблюдается. Worse того, начались какие-то непонятные шараханья из стороны в сторону. Одна антиалкогольная кампания, ставшая притчей во языцех, нанесла колоссальный урон народному хозяйству. Как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад.

Во второй половине того памятного десятилетия меня избрали в Верховный Совет РСФСР. Во время сессий приходилось по наказам, по письмам избирателей много встречаться с руководителями разного уровня республиканских и союзных министерств, выполнять порой функции ходатая по просьбе директоров предприятий из моего избирательного округа. И уже тогда намётанным глазом начальника и главного конструктора КБМ я видел, как постепенно нарастает хаос во многих сферах управления экономикой. На глазах моих во всех областях общественного производства заметно падала исполнительская дисциплина. В оборонной отрасли, благодаря её строгой иерархической лестнице, эти процессы ещё не ощущались, но тогда многие из нас, конечно, предположить не могли, что всех нас ожидает впереди.

Я не могу обойти вниманием событие, которое буквально, как гром среди декабряского неба, прогремело и оглушило нас, работников Конструкторского бюро машиностроения, в разгар перестройки. В первых числах последнего месяца 1987 года в главной тогда газете страны “Правде” было опубликовано пространное интервью М. С. Горбачёва корреспонденту американской телекомпании Эн-Би-Си Тому Брокау. Среди прочего там был упомянут советско-американский переговорный процесс по ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Об этом периодически появлялись сообщения в печати, но детали, как водится, не приводились. Все знали лишь одно — речь идёт об уничтожении целого класса американских и советских ядерных вооружений.

Вскоре, буквально через несколько дней после публикации этого интервью, советский руководитель отправился с официальным визитом в Вашингтон, где 8 декабря 1987 года подписал вместе с американским президентом Р. Рейганом Договор между СССР и США о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности. Вторая статья Договора устанавливала общее понимание различных терминов для целей данного договора. Там было понятно написано, что термин “ракета средней дальности” означает баллистическая ракета наземного базирования или крылатая ракета наземного базирования, дальность которой превышает 1000 километров, но не превышает 5500 километров. Применительно к термину “ракета меньшей дальности” говорилось об аналогичных ракетах, дальность которых равна или превышает 500 километров, но не превышает 1000 километров.

Казалось бы, всё ясно с терминологией — она корректна и понятна и, как пишут дипломаты, аутентична на обоих языках Договора — на русском и английском. Тем более в преамбуле документа стоят конкретные цифры, которые ни при каких обстоятельствах уже не могут быть подвергнуты двусмысленному толкованию. Но, как говорится, дьявол скрывается в деталях.

Представьте, на следующий день выходит газета “Правда”, где напечатан текст Договора между СССР и США. В нём, в статье третьей в части второй под пунктом “а”, сказано, что для целей настоящего Договора будут уничтожены соответствующие ракеты, которыми являются ракеты типов, именуемые в СССР “ОТР-22” и “ОТР-23” и известные в США соответственно как “SS-12” и “SS-23”. Ведь “ОТР-23”, по западной классификации “SS-23”, это и была наша оперативно-тактическая ракета “Ока”, которая имела максимальную дальность стрельбы 400 километров и потому никак не подходила под те согласованные сторонами параметры договора, которые начинали отсчёт с 500 километров!..

В памяти запечатлелось моё внутреннее ощущение в тот момент, когда я узнал об этом. Поначалу подумалось, что этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Что это, возможно, какая-то опечатка или необъяснимое недоразумение. Потом неумолимая внутренняя логика собственных рассуждений и анализа отвергла эти маловероятные предположения. Эта, бесспорно, была не ошибка. **Случившееся я бы квалифицировал как преступление, как акт государственной измены высшего руководства государства.** Тут надо ясно и определённо сказать: такая точка зрения у ме-

ня сложилась не сразу, а по прошествии нескольких лет. Ведь я был сыном своего времени и никогда не мог бы подумать, что руководство страны, которому верили миллионы людей, может совершить нечто подобное...

Помнится, в преддверии распада Советского Союза, месяца за полтора до подписания Беловежского соглашения ещё одной когортой предателей, порождённых горбачёвской перестройкой, стал широко известен неординарный по тем временам юридический прецедент. Руководитель одного из управлений Прокуратуры СССР В. И. Илюхин подписал постановление о возбуждении уголовного дела против числящегося ещё президентом СССР Горбачёва, в котором ему инкриминировались многие антиконституционные дела того времени, когда он занимал пост главы государства. Это, бесспорно, был мужественный акт. Но постановление об уголовном деле против Горбачёва тут же отменил генпрокурор.

Но тогда, в декабре 1987 года, когда я прочитал шокировавшие меня и моих коллег, товарищей строки Договора, я немного смятенно поначалу думал – что делать? Ведь казался каким-то невразумительным Договор между двумя сверхдержавами, в котором стороны на равных договариваются о сокращении вооружений, но при этом одна сторона вдруг добровольно соглашается на уничтожение оружия, которое не входит в рамки документа. При этом не делается никаких разъяснений ни для народа, ни для тех, кто это оружие создавал. А это, ещё раз напомним, в общей сложности свыше ста тысяч человек в десятках КБ, НИИ и предприятий страны. Это гигантские денежные ресурсы, выброшенные на ветер, около семи миллиардов долларов, тогда значительно более весомых, чем сейчас.

В то же время я был исполнительным человеком, чувствовал себя, скажу без ложного пафоса, солдатом партии и государства, служению которым отдал десятки лет жизни. Знаю, что сегодня, быть может, кому-то покажется такое моё суждение ненужной патетикой. Мы, я имею в виду своё поколение, выросли, возможно, в один из самых драматических периодов истории нашей страны – будущее это покажет. Мы верили в идеалы социальной справедливости. И по мере своих сил и способностей строили страну. Ведь действительно только неимоверными усилиями сотен миллионов людей мы создали за исторически ничтожный срок второе по мощи государство в мире. Наше общество объединяла идея социализма, которая с распадом СССР, конечно, не умерла. Да, это было сверхцентрализованное государство. Так сложилось и выходило, что всякое слово, приходившее из Москвы, из сердца столицы – Кремля воспринималось в любом уголке необъятной страны как нечто заветное. **И вот теперь обнаружилось, что фактическая измена созрела в самом Кремле.**

Спустя годы, когда многое, что сопутствовало уничтожению “Оки”, стало известно, а я на данную тему говорил со многим активными, если можно так выразиться, вольными и невольными участниками процесса, во всём этом деле приоткрылось немало того, что было тогда скрыто от общества. Об одном из эпизодов этой, осмелюсь предположить, растянутой во времени сдвиги позиций Советского Союза поведал наш высокопоставленный дипломат. По его словам, ещё весной, в апреле 1987 года, в Москву с очередным визитом прилетел госсекретарь США Дж. Шульц, который первым делом встретился с министром иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе. На следующий день он нанёс визит в Кремль, к Горбачёву. Среди прочих вопросов на встрече в кабинете Горбачёва обсуждались, по словам дипломата, и параметры будущего Договора по ракетам средней и меньшей дальности. Теперь уже известно, что американский визитёр действовал по принципу “быстрота и натиск”. Обоим советским руководителям он с ходу предложил включить в договорные рамки предстоящего соглашения по РСМД оперативно-тактический комплекс “Ока”. Там, в кабинете в Кремле, как стало известно потом, разговор об “Оке” шёл как о решённом вопросе.

В связи с этой встречей собеседник-дипломат поведал об одном необъяснимом факте. В тот день и час в кабинет высшего руководителя нашей страны на переговоры вошёл высокопоставленный представитель иностранного государства со своим переводчиком. Речь идёт о Дж. Шульце. С советской стороны переводчика не было. Это было неслыханное нарушение протокола!

По свидетельству бывшего посла СССР в США, а на тот момент – секретаря ЦК КПСС и одновременно руководителя Международного отдела ЦК

А. Ф. Добрынина, перед приездом Шульца Горбачёв предложил начальнику Генштаба маршалу С. Ф. Ахромееву и самому Добрынину подготовить меморандум с изложением позиций обеих сторон с возможными рекомендациями. В подготовленном для Горбачёва документе по настоянию маршала было подчеркнuto, что американская сторона, вероятно, будет добиваться включения в договор ракет ОТР-23 (SS-23), **но на это нам нельзя соглашаться**.

Ахромеев не случайно настаивал на этом, утверждал А. Ф. Добрынин, ведь военные знали, что Шеварднадзе был в данном вопросе готов уступить американцам. Но оказалось, что не только этот министр иностранных дел, но и сам Горбачёв был того же мнения. По словам Анатолия Фёдоровича, после продолжительного разговора с Горбачёвым американский госсекретарь сказал, что советский лидер может обеспечить двустороннее подписание Договора, если согласится включить в этот документ ракеты SS-23, на что Горбачёв, с лёгкостью необыкновенной, к изумлению маршала и секретаря ЦК КПСС тут же заявил: “Договорились”.

Потом уже с глазу на глаз Ахромеев спросил Добрынина: почему Горбачёв так кардинально изменил в последний момент позицию советской стороны? Тот, конечно, за Генсека ответить не мог. Тогда маршал набрался смелости обратиться к Горбачёву и задать ему этот вопрос. Но тот, вначале сославшись на забывчивость про предупреждение в меморандуме, сказал Ахромееву, что для процесса разоружения нужна хорошая динамика, и это решение якобы ускорит развязку многих международных проблем.

Вскоре после того визита американского госсекретаря на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС Горбачёв выдвинул, – а Шеварднадзе поддержал – “свою” инициативу о включении в договор по РСМД нашей сверхточной “Оки”. Горбачёвское Политбюро согласилось с этим мнением. МИДу была дана тут же соответствующая команда.

Были ли альтернативные мнения? Да, были, и в основном со стороны военных, ведь они-то понимали цену этого решения “ускорить динамику разоружения”. Тут надо привести слова маршала Советского Союза Д. Ф. Язова: “Почему мы не отстаюли “Оку”? Нас погубила высокая дисциплинированность – партийная и военная. Мы сражались и спорили лишь до тех пор, пока не принималось решение. А потом мы его выполняли, иногда с болью и кровью, как это было с “Окой”.

А произошедший, словно специально, в это время инцидент – посадка на Красной площади воздушного хулигана из Германии Руста в мае 1987 года – стал лишним козырем тогдашнего руководства страны и в полной мере был использован, чтобы основательно “почистить” высшее военное руководство Советского Союза. Что и было сделано, после чего уже никто по существу не осмелился спрашивать, почему вдруг современнейший ракетный комплекс приговаривается в угоду американцам к уничтожению. Окружение же М. С. Горбачёва сделало всё для того, чтобы подробности переговоров не стали известными до поры до времени в нашей стране. Всё происходило в обстановке такой секретности, что даже многие высшие чины военного ведомства ничего не знали о деталях предстоящего соглашения с Америкой, уж не говорю о руководстве оборонной отрасли – его тоже совершенно не посвящали ни во что.

Несмотря на то, что наш ракетный комплекс был тогда глубоко засекречен, материалы о нём стали появляться в разных западных изданиях, даже с фотографиями. Можно лишь догадываться, как и когда разведка потенциального противника впервые заполучила сведения об “Оке”. За несколько лет до описываемых событий в рамках Варшавского договора ОТРК “Ока” был поставлен в Болгарию, ГДР и Чехословакию. Теперь известно, что в те годы в объединённом штабе Организации Варшавского Договора работал польский полковник – многолетний агент ЦРУ США. Также могли американцы получить изображение “Оки” с помощью аппаратуры высокого разрешения при использовании разведывательных спутников. Но, как бы там ни было, в ряде зарубежных каталогов оружия у “Оки” под их наименованием SS-23 указывалась дальность стрельбы 500–550 километров. С этими сведениями американская сторона пришла на переговоры и навязала нашим представителям эти исходные данные.

На уровне экспертных групп американцы объясняли, что изучение внешних параметров “Оки”, её примерных массогабаритных данных в переложении

на американские технологии привело их к выводу о возможности полёта этой ракеты за пятьсот километров. Могли эти ничем не подтверждённые характеристики изделия быть целенаправленным информационным подлогом со стороны спецслужб США? Вполне. Даже очень вероятно, что это мог быть сознательный блеф, специальная операция с использованием психологической уловки – а вдруг сработает? И ведь сработало! Однако любой человек, на ком лежит ответственность в решении проблемы, затрагивающей самые чувствительные сферы безопасности страны, мог в данном случае получить реальные тактико-технические данные по комплексу в полном объёме не из Вашингтона, а из Коломны. Это было бы гораздо ближе и надёжнее.

Подоплёка энергичных действий американской стороны по включению любой ценой ОТР-23 в Договор вполне понятна, и она достаточно прозрачно была изложена в журнале “NATO’S sixteen nations”, в четвёртом номере за 1987 год, в статье “Расширенная система ПВО НАТО”. В ней была подробно изложена точка зрения специалистов Североатлантического блока на создание средств борьбы не только с самолётами потенциального противника, но также с его боевыми ракетами высокой точности. На основе имеющихся данных об уровне вооружений у советской стороны формулировалась задача создания в рамках НАТО расширенной системы ПВО, которая могла бы обеспечить поражение высокоточных ракетных комплексов SS-21 и SS-23 (“Точка” и “Ока”). С присущим западным экспертам прагматизмом на “решение” этой проблемы следовало, по мнению автора, выделить ни много, ни мало до 150 миллиардов долларов.

В той же публикации отмечалось, что массированное использование ракет SS-21 и SS-23, оснащённых даже обычными зарядами, предоставит противнику, то есть СССР, значительные преимущества, если не принять дополнительных мер защиты против этих советских ракет (стоит здесь напомнить, что боевые части с обычными зарядами на этих ракетных комплексах менялись на ядерные боеголовки всего за пятнадцать минут). Далее в довольно откровенной манере было сказано о необходимости предложения в переговорах по разоружению с Москвой так называемого двойного нулевого варианта. По этой схеме уничтожаются ракеты “Темп-С” и “Ока” (SS-12 и SS-23), что позволило бы оставить в распоряжении армий Варшавского договора ракеты SS-21 (“Точка”), “Луна” и 8К14. В таком случае, говорилось в статье, “... противник утратил бы способность нанести эффективный удар по базам ВВС НАТО с помощью неядерных ракет”, в результате НАТО получило бы возможность сосредоточить свои усилия на разработке мер борьбы только с “Точкой”, а шансы создания эффективной системы ПВО существенно бы возросли.

Почему я так подробно останавливаюсь на событиях того времени, когда “Оку” приговорили к ликвидации? Объяснение простое. **“Ока” стала во многом вершиной нашего творческого развития, торжества той школы ракетостроения, которая сложилась у нас в рамках теснейшего сотрудничества с настоящей научно-технической элитой страны. А уничтожали это изделие и подрывали нашу школу люди, как я теперь понимаю, безответственные, невежественные во многих отношениях, но облечённые волею судеб правом принимать подобные решения.**

По прошествии времени Горбачёв пытался оправдаться в своих действиях, когда он совершенно безответственно пошёл на неслыханные уступки американцам в договоре по РСМД. Какой бы политической целесообразностью с позиций “общечеловеческих ценностей”, которые пропагандировал тогда генсек, ни объяснялся этот шаг, многими он был расценен именно как беспримерная сдача интересов нашей страны. От нападков за “Оку” Горбачёв отбивался не раз. Но, пожалуй, апофеозом его рассуждений на этот счёт было интервью одной из газет, которое вызывает только горькое сожаление и удивление – до какой же степени поверхностны его суждения о предмете разговора. Ему задают вопрос: “... Вам предъявляют много счетов, но одна из самых горьких обид – ракета “Ока”. Вы, дескать, поддались нажиму американцев и подверстали эту уникальную ракету под Договор”.

Полагаю, для истории стоит процитировать ответ Горбачёва, чтобы в полной мере можно было оценить степень его некомпетентности (если не употребить другое, более жёсткое слово) в столь деликатной и важной сфере, как оборона страны. Бывший генсек заявил: “... Когда я приехал к учёным в Подмосковье, они мне сказали: сегодня нам противопоставить “Першингам” не-

чего, они долетают до Петербурга за две минуты, до Волги — за пять. То есть основная часть страны — беззащитна. Надо было, даже пожертвовав нашим количеством, но убрать “Першинги”. И я пошёл на глобальный ноль! И как они вертелись, американцы, — как караси на сковородке! Ведь они сами когда-то предлагали глобальный ноль. А когда я их идею им ввернул, они попытались сманеврировать. “Ока”... Если бы мы оставили “Оку”, то тогда должны были бы согласиться с присутствием ракеты “Ланс”. Я же получал информацию из самого “логова”, из Совета по национальной безопасности США (так же, как они получали из Политбюро). И мне сообщили, что уже есть техническое решение по модернизации ракеты “Ланс”. На переговорах речь шла ведь только о мощности ракет на испытаниях. Кстати, “Ланс” всегда испытывался с обычным, тяжёлым боезарядом. И поэтому дальность принималась как малая. Если же её оснастить лёгкой ядерной боеголовкой, то дальность “Ланса” приближалась к 1000 километров. Как видите, “Ланс” мог войти в категорию ракет больше средней дальности — и опять мы бы попадали в ловушку. “Ока” даже с лёгкой боеголовкой летела только на 500 километров. То есть наша “Ока” уже ничего не решала по сути, а с ракетой “Ланс” мы решали и стратегический вопрос. Вот тогда был мой нажим на Коля, на других. Я пошёл на то, чтобы остановить процесс с “Окой”. И вместе с тем поставил вопрос об уничтожении класса “Ланс”.

А что же с “Окой”, которой он отводит оставшуюся сумбурную часть невестественного ответа? Тут он прибегает к подтасовке фактов. **Ни с какой “лёгкой головкой” ракета “Ока” не могла лететь “только на 500 километров” — это я вновь могу сказать категорично как главный конструктор “Оки”.** Ни двигатель, ни масса твёрдого топлива, ни конструктивные особенности не позволяли преодолеть ей такое расстояние. Горбачёв манипулирует разными понятиями, уводит внимание в сторону от сути. Вот он “останавливает процесс с “Окой”, которая уже стоит на вооружении и летает. Он это делает потому, что ему сообщили, будто есть техническое решение по модернизации ракеты “Ланс”. Тут надо пояснить, что американцы действительно только собирались модернизировать эту ракету, после чего она могла бы иметь дальность стрельбы 450—470 километров. Но мы знали, что у американских конструкторов эта работа продвигалась с большим трудом, она даже не дошла до стадии испытаний, и **даже на этапе эскизного проекта “Ланс-2” не имел тех достоинств, которые отличали наш комплекс, который уже стоял на вооружении.** Как же можно было решиться на такое — обменять огромный арсенал готовых боевых ракет на чьё-то техническое решение?.. Горбачёвское словоблудие в данном случае легко проявляется, потому что в самом Договоре по РСМД — международном документе строгом и понятном — нет, разумеется, ни слова о “страшной” ракете “Ланс”, а вот реальная “Ока” вписана в договор и была предательским росчерком пера приговорена к уничтожению!

После известия о решении ликвидировать ОТРК “Ока” я тотчас, как главный конструктор, обратился во все высокие инстанции. При встрече с главкомом Сухопутных войск генералом армии Е. Ф. Ивановским, командующим ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск маршалом артиллерии В. М. Михалкиным, начальником ГРАУ генерал-полковником М. Е. Пенкиным выяснилось, что с ними вопрос по “Оке” не согласовывался. Все они были возмущены этим фактом. Откровенно говоря, у многих военных в этой ситуации более всего вызывала недоумение позиция Генерального штаба, который тогда возглавлял С. Ф. Ахромеев — о чём позже говорил Михаил Егорович Пенкин. Особенно энергично защищал “Оку” мой давний знакомый В. М. Михалкин. Маршал артиллерии, он начал свою боевую биографию ещё подростком при обороне Ленинграда, был там контужен. Потом прошёл долгий путь до высокого воинского звания. В годы его командования ракетными войсками и артиллерией Советской Армии наши взаимоотношения вполне можно было считать идеальными, столь хорошо мы понимали друг друга, что не в последнюю очередь влияло на регулярное поступление наших изделий в его войска. Именно Владимир Михайлович одним из первых назвал **решение горбачёвской верхушки об уничтожении “Оки” фактически преступным по отношению к армии и обороноспособности страны.**

По мере обсуждения проблемы со многими высокопоставленными работниками в правительстве, среди военных, с представителями спецслужб

достаточно быстро я пришёл к пониманию, что сделанного не исправить. Морально было нелегко смириться с необратимостью этого чудовищного процесса. Но, как говорится, поезд уже ушёл: теперь уничтожение ракетных комплексов “Оки” было вопросом времени, оговорённого в Договоре. Кроме того, прекращались в рамках этого предательского документа все работы с ещё более совершенным изделием — “Окой-У”, а также и фронтовым оперативно-тактическим ракетным комплексом “Волга”. Наше предприятие буквально “подстрелили” на взлёте. По прошествии двух десятилетий со времени тех событий с печалью иногда взираю на небольшой прямоугольник из мелованной бумаги под названием “Сертификат”, в котором на английском и русском языках написано: “Настоящий сертификат удостоверяет осколок (в сувенирном исполнении) советской ракеты ОТР-23 (SS-23). Ракета уничтожена на месте ликвидации (Сарыюзек) в соответствии с “Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности”. И внизу — факсимильная подпись заместителя министра оборонной промышленности СССР В. М. Плющикова. Сам осколок ракеты вмонтирован в прозрачный кубик на подставке. Мал этот кусочек металла, но ранил тогда он многих самим фактом решения об уничтожении совершенного оружия Сухопутных войск очень больно...

5. Россия не останется без ракет

Я написал сразу в несколько высших инстанций свои соображения по поводу случившегося — в ЦК КПСС, руководству Военно-промышленной комиссии, нашему министру и министру обороны. В этих письмах я утверждал, что допущена серьёзная ошибка при подготовке проекта Договора, и что уничтожать этот ракетный комплекс нет оснований. Шифровки с моими письмами ушли по адресам. Конечно, я понимал, что шансов на обратный ход нет после подписания документа на таком уровне, но смолчать тоже не считал возможным.

О чём писал? Мысль пришла как-то исподволь, и она была простой — надо предложить сделать новую ракету, нет, не ракету, а новый оперативно-тактический ракетный комплекс. Это — главное. Возможно, такая идея по здравом размышлении со стороны может показаться театром абсурда. Это при том, что ещё стоят где-то на позициях новенькие ракеты — их сотни. Но их как бы уже и нет... И вот теперь надо думать, как сделать новые ракетные комплексы.

Все ракетные комплексы “Ока” по Договору должны были быть уничтожены в течение 18 месяцев. Поэтому мы с нетерпением продолжали ждать ответа на “письмо Горбачёву”. Шёл уже 1988 год, наполненный многими событиями и переменами в общественно-политической жизни страны. Одно из тех, которые заметно повлияли на весь дальнейший ход событий в стране, — XIX Всесоюзная конференция КПСС. Меня избрали её делегатом от Московской области. Мог ли я думать, что, когда буду слушать в Кремлёвском Дворце выступления и споры адептов перестройки, буду присутствовать на одном из партийных собраний по подготовке предстоящих похорон надежд многих сограждан на лучшую жизнь, что именно эта конференция в какой-то мере предопределяет коренные изменения и в моей жизни. Но это случится потом, а в тот период работа по-прежнему занимала большую часть моего времени. Распорядок дня был прежним, как и все предыдущие годы. Рабочие дни недели — по 12–14 часов, в субботу — до двух часов дня. В воскресенье — отдых.

Осенью того же года в преддверии 7 Ноября, как всегда, получил приглашение на праздничный приём в Кремле по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. Это были не очень частые минуты ощущения раскованности в обществе людей, которые играли ключевые роли в жизни государства и с которыми не всегда в обычной обстановке можно было найти общий язык. В этот же вечер или в день такого же праздничного приёма в канун Дня Победы, со многими важными персонами на верхнем этаже Кремлёвского Дворца съездов можно было пообщаться, поговорить о чём угодно.

В банкетном зале я, как правило, встречал множество знакомых людей по работе, по участию в сессиях Верховного Совета России или по партийным форумам. Участники банкета зачастую мигрировали по просторному залу от стола к столу, присоединяясь то к одной, то к другой группе людей. Так нередко я оказывался в кругу известных учёных или знатных рабочих разных

профессий, партийных или советских работников и... попадал под вспышки фотоаппаратов. Потом фотокор записывал фамилию каждого запечатлённого на снимке. Я честно назывался и тогда видел досаду на лице корреспондента. Не ведаю, как в западных разведслужбах, но многим советским журналистам была довольно хорошо известна моя редкая фамилия, и они понимали, что лучше её не знать — всё равно не напечатают ни фото, ни подпись к нему. Я понимал, что портил удачный кадр для первой страницы газеты или журнала. И потому чаще старался заранее улизнуть с места съёмки, но это не всегда удавалось.

Помню, мы стояли с Борисом Николаевичем Лагутиным, который тогда уже возглавлял Московский институт теплотехники, обменивались новостями. В какую-то минуту я увидел М. С. Горбачёва, он в кругу своих приближённых проходил по залу. Вдруг Борис Николаевич говорит мне: «Смотри, Сергей Павлович, не к тебе ли идёт Горбачёв?..» Действительно Генсек со свитой шёл в нашем с Лагутиным направлении. Подошёл, поздоровался. Я понял, что данный момент упустить нельзя. После нескольких общих фраз разговора напомнил руководителю страны о «письме шести» — о проекте нового оперативно-тактического ракетного комплекса, который к тому периоду уже получил своё имя — «Искандер». Мне было известно от Ахромеева, что на этом письме уже была резолюция Горбачёва: «Согласен», но дальше дело не продвинулось, несмотря на то, что прошло уже несколько месяцев. Более того, из конфиденциального разговора с высокопоставленным работником ЦК КПСС я знал, что проекту создания нового ОТРК на базе «Оки» противится не кто иной, как Шеварднадзе, который под разными предложениями не рассматривает и не подписывает проект постановления Политбюро ЦК КПСС по данному вопросу. Ведал я и другое: через несколько дней после октябрьских праздников должно состояться очередное заседание Совета обороны СССР, что на нём будут обсуждаться важные вопросы обороноспособности страны.

И тут я высказал своё мнение Горбачёву, что на этом заседании необходимо принимать официальное решение по новому ракетному комплексу, чтобы вся работа по нему строилась на основе разрешительных документов, что эту проблему, на мой взгляд, надо вносить в повестку дня директивных инстанций. Горбачёв в небольшом окружении людей выслушал меня и в ответ сказал, что примет решение в самые ближайшие дни. При этом повернулся и сделал какое-то распоряжение своим помощникам. Разговор был коротким — минуту-две. Но в тот раз генсек своё слово сдержал. Действительно, через некоторое время было подготовлено и принято соответствующие распоряжения о поручении Коломенскому конструкторскому бюро машиностроения, как головному предприятию, провести работы по созданию оперативно-тактического ракетного комплекса «Искандер» с уточнёнными тактико-техническими характеристиками. Хочу отметить, что вскоре после короткого разговора на кремлёвском банкете изменился и мой статус — я стал Генеральным конструктором Конструкторского бюро машиностроения. Постановление об этом принял Совет Министров СССР 21 декабря 1988 года.

Комплекс «Искандер»... Он великолепен — объективно признан лучшим в мире в своём классе. Отмечу в упрощённом виде лишь некоторые его характеристики и возможности. Это одноступенчатая баллистическая ракета. В состав ОТРК входят самоходная пусковая установка, транспортно-заряжающая машина, в корпусах которых размещаются по две ракеты, каждая из них весит примерно три тонны. Кроме того, имеются командно-штабная машина, машины регламента и техобслуживания, а также жизнеобеспечения. «Искандер», как и его предтеча «Ока», тоже ракета-невидимка, даже ещё в большей степени. И это достигнуто в основном за счёт новых конструкторских идей и самых современных технологий.

...Сегодня, когда мы наблюдаем общее наращивание сил НАТО вблизи российских границ, невольно понимаешь, что «паритетный» с Соединёнными Штатами отказ от ракет средней и меньшей дальности **стал для нас ловушкой**. Ведь американцы, уничтожив свои ракеты соответствующего класса, как находились, так и остались за Атлантическим океаном. Эти ракеты совершенно не угрожали территории самих Соединённых Штатов, но зато они обезопасили своих союзников. Но теперь число американских союзников по НАТО приросло именно в восточном направлении. И тут надо напомнить ясно и определённо, что в структуре этого блока есть комитет по военному планирова-

нию, который намечает, в том числе в случае начала военных действий, откуда и куда будут наноситься удары по территории потенциального противника. Теперь на бывших советских аэродромах или военных базах в Прибалтике, Польше, Чехии всё основательнее обживаются натовские структуры. Не дай Бог, как говорится, случиться непредвиденному, но если возникнет на этом потенциальном театре военных действий конфликт с применением силы, то по американской концепции вполне допустимо в этих рамках ограниченное применение небольших атомных зарядов, чтобы не допустить большой ядерной войны. А чем мы ответим в таком случае, если у нас боевая часть ракетных комплексов “Искандер” будет оснащена обычными взрывчатыми веществами, ведь по силам общего назначения мы теперь значительно уступаем “западным партнёрам”?

Многих союзников мы потеряли, а новых не приобрели. Значит, более актуальным видится выражение русского царя Александра III, который когда-то справедливо заметил, что у России есть только два верных союзника – армия и флот. Заботой об обеспечении этих наших союзников должна быть, на мой взгляд, проникнута вся работа управленческих структур государства. На это должны ориентироваться лучшие конструкторские и инженерные силы оборонного комплекса, состояние которого я наблюдаю и пропускаю все его проблемы через себя.